

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Популярные русские
НАРОДНЫЕ
БЫЛИНЫ

Аннотация

Былины — замечательное явление русской народной словесности. По эпическому спокойствию, богатству подробностей, живости колорита, отчетливости характеров, разнообразию мифических, исторических и бытовых элементов они не уступают немецкому богатырскому эпосу и эпическим сказаниям других народов, за исключением Илиады и Одиссеи. Былины по месту своего происхождения делятся на киевские, новгородские и общерусские, более поздние. Это эпические песни о русских богатырях. Каждая говорит обычно об одном эпизоде жизни одного богатыря. Так получается ряд песен, группирующихся около главных и любимых героев киевского цикла — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Есть в былинах еще один герой — стольный князь Владимир. Герои новгородских былин — Василий Буслаевич, Садко и Хотен Блудович. Хронологически на первом месте стоят былины о богатырях-сватах. Потом киевские и новгородские. Затем идут вполне исторические, относящиеся к московскому периоду Русского государства. Змей и Соловей-Разбойник — яркое воплощение того зла, против которого сражаются русские богатыри. А их образ очень важен для народа. Богатыри — та сила, которая готова защитить землю от врага, восстановить справедливость. О ней всегда мечтал русский народ.

Русскому фольклору принадлежат и такие произведения: «Вавило и Скоморохи», «Василий Казимирович», «Вольга и Микула», «Добрыня и Змей».

Популярные русские народные былины

Вольга и Микула Селянинович

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольг'а,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут В'ольга растеть-матереть,
Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синий моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во тёмный леса.
Как стал тут В'ольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков тёмно-кариих,
Тёмно-кариих жеребчиков нел'егченных.
Вот посели на добрых копей, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам исчиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пабедья.
А наехали в чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки о «да пометывает,
А пенья-коренья: вывертывает,
А большие-то каменя в борозду валит.
У оратая кобыла соловая,
Гужики у неё да шёлковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присошичек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота,
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да-ясна, сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом, пяти, носы востры,
Бот под пята-пята воробей пролетит,

Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменя в борозду валить! —
Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вояьга Святославович!
Мне-ка надобно божья помочь крестьяновати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь? —
Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да родной дядюшка?
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяневцем.
Теперь еду к городам да за получкою.
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в реке да во Смородине!
Я недавно там был в горде, третьего дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я им сталью им грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который, стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лёжа лежит. —
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедемнко со мной во товарищах?
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шёлковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, наехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у неё да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —

А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке клевовенькой.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут м'олодой Вольга Святославович
Посылает от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь В'ольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюгнко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали. —
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребёночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Как бы эта кобыла коньком бы была,

За эту кобылу цены не было бы.
Тут проговорит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству? —
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»...

Илья Муромец и Соловей Разбойник

Из того ли то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнан'о-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто ту не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великуюю,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великуюю.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не иду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чернойей,
Да у той ли у березы у покляпяя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын,

А то свищет Соловей да по-сол'овьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста сол'овьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й околышей дорожкой — цела тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холма на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-сол'овьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шёлковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвисту сол'овьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских? —
А й тут старый казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шёлковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в т'ого-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да па сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнездушка повёз да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Б'ольша дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слона:
— Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везёт он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.
Поглядела как друга дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка раздольцем чистым полем,
Да й везёт он мужичища-деревищину
Да й ко правому во стремени прикована.
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везёт-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею. —
Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные
Да бегите-тко в раздольце чист'о поле,
Да вы бейте мужичище-деревенщину!
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные
Да й бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнёздышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные! —
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да й мужик-то деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да нить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старья казак да Илья Мур'омец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал,
Крест-от клал по по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да имен'ем зовут,
Величают, удалого, по отчеству? —

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Говорит ому Владимир таковы слова:
— А й же старья казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град? —
Говорил Илья он таковы слова:
— А й ты, славиыя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутрену христосскую во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град.
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест. —
Говорил ему Владимир таковы слова:
— А й же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да додлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птицы черный ворон не пролетывал.
А у той ли то у Гязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А у той ли у березы у покляпья,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мёртво лежат. —
Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.
То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, ты, с'обака, по-звериному. —
Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,

Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати. —
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— А й же старья казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному, —
Говорил Илья да таковы слова:
— А й же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во п'олсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во п'олкрика звериного. —
Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— А й же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сах'арные,
Не могу я засвистать да й по-сол'овьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному. —
Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина.
Ты не в малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику.
То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шёл в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-с'оловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего.
А что есть-то людшек — так все мёртвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старой-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-сол'овьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен мол'одых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!
А тут С'оловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век п'о веку!

Добрыня и змей

Добрышошке-то матушка говаривала,
Да й Никитичу-то матушка наказывала:
— Ты не ездика далече во чисто поле,
На тую гору да сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеёнышей,
Ты не выручай-ка полонов да русских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
Но середняя-то струйка как огонь сечёт!
А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто поле,
А на тую на гору сорочинскую,
Потоптал он младых змеёнышей,
А й повыручил он полонов да русских.
Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось —
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Да он забрел за струечку за первую,
Да он забрел за струочку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
— Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька й наказывала:
Что не ездика далече во чисто поле,
На тую гору на сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеёнышей,
А не выручай полонов да русских,
И не куплись Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середия-то струйка как огонь сечёт.
А Пучай-река — она кротк'а-смирна,
Она будто лужа-то дождевая!
Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А и дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да спищёт молния —
А как летит Змешцо Горшгище
О ты'ех двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи да приужахнется.
Говорит Змея ему проклятая:
— Ты тетгерича, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыню, теперь потоплю,
Захочу — тебя, Добрыню, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыню, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыню во нору снесу!
Припадает Змея как ко быстрой реке,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был:
Он нырн'ет на б'ережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешний,
А нет у Добрынюшки добра коня,

Да нет у Добрыни платьев цветных —
Только-то лежит один пухов колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой;
По весу тот колпак да в целых три пуда.
Как ухватит он колпак да земли греческой,
Он шибнет во Змею да во проклятую —
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хоботов.
Тут упала-то Змея да на ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку он был п'оверток,
Он скочит на змеиные да груди белые,
На кресте-то у Добрыни был булатный нож —
Он ведь хочет распластать ей груди белые.
А Змея Добрыне ему взмолился:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Не топтать больше младых змеёнышей,
А не выручать полонов да русских,
Не купаться ти, Добрыня, во Пучай-реке,
И мне не летать да на святую Русь,
Не носить людей мне больше русских,
Не копить мне полонов да русских. —
Он повыпустил Змею как с-под колен своих —
Поднялась Змея да вверх под облако.
Случилось ей летать да мимо Киев-града.
Увидела она Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну,
Идучись по улице по широкой.
Тут припадает Змея да ко сырой земле,
Захватила она Князеву племянницу,
Унесла в пору да во глубокую.
Тогда солнышко Владимир стольно-киевский,
А он по три дня да тут былиц кликал,
А былиц кликал да славных рыцарей:
— Кто бы мог съездить далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, Князеву, племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?
Говорил Алёшенька Левонтьевич:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Ты накинь-ко эту службу да великую
На того Добрышо на Никитича:
У него ведь со Змеёю заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить дал'ече во чисто поле,
Не топтать-то мл'адых змеенышей
Да не выручать полонов да русских.
Так возьмет он Князеву племянницу
Молоду Забаву, дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития.
Тут солнышко Владимир стольно-киевский
Как накинул эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему Князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.

Он пошёл домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречах государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
— Ты ой, рожено м'оё дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идёшь не весел-де?
Знать, что место было ти не п'о чину,
Знать, чарой на пиру тебя при'обнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де?
Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ты ой, государыня да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Место было мне-ка по чину,
Чарой н'а пиру меня не обнесли,
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь,
А накинул службу да великую
А тот солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить далече во чисто поле,
На тую гору да на высокую,
Мне сходить в нор'у да во глубокую,
Мне достать-то Князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Говорит Добрыне родна матушка
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ложись-ко спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое —
Мудренее утро будет оно вечера. —
Он ставал по утрушку ранешенько,
Умывается да он белёшенько,
Снаряжается он хорошоохонько.
Да идёт на конюшню на стоялую,
А берёт в руки узду он да тесьмяную,
А берёт он дедушкова да ведь добра коня.
Он поил Бурка питьём медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Он седлал Бурка в седельшко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да кладёт войлочки,
Клал на войлочки черкасское седельшко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шёлковые,
А шпеньки у подпруг все булатные,
Пряжки у седла да красна золота —
Тот да шёлк не рвется, да булат не трётся,
Красно золото не ржавеет,
Молодец-то па коне сидит да сам не стареет.
Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
— Как будешь далече во чистом поле,
На тыя горы да не высокий,
Потопчешь младых змеёнышей,
Повыручишь полонов да русских,
Как тыи-то молодые змеёныши

Подточат у Бурка как они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
А змеёнышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ко эту плёточку шёлковую,
А ты бей Бурка да промежу ноги,
Промежу ноги да промежу уши,
Промежу ноги да между задние, —
Станет твой Бурушко поскакивать,
А змеёнышей от ног да он отряхивать —
Ты притопчешь всех да до единого.
Как будет он далече во чистом поле,
На тья горы да на высокая,
Потоптал он младых змеёнышей.
Как тьи ли младые змеёныши
Подточили у Бурка как они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
Змеёнышей от ног да он отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берёт он плёточку шёлковую,
Он бьёт Бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Промежу ноги между задние,
Тут стал его Бурушко поскакивать,
А змеёнышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.
Выходила как Змея она проклятая
Из тья поры да из глубокий,
Сама говорит да таково слово:
— Ах ты, ай, Добрынюшка Никитинец!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал младых змеёнышей,
Почто выручал полоны да русские? —
Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ах ты, эй, Змея да ты проклятая!
Чёрт ли ты нес да через Киев град,
Ты зачем взяла Князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичу?
Ты отдай же мне-ка Князеву племянницу
Без боя, без драки-кроволития! —
Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
— Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!
Заводила 'она бой-драк'у великую
Они дрались со Змеею тут трои сутки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать —
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
— Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змею ты трои сутки,
Подерись со Змеей 'ещё три часа:
Ты побьешь Змею да ю, проклятую! —
Он подрался со Змеею 'ещё три часа,
Он побил Змею да ю, проклятую, —
Тая Змея, она кровью пошла.
Стоял у Змеи он тут трои сутки,
А не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови отстать,

Но с небес Добрыне опять глас гласит:
— Ах ты, эй, Добрыша сын Никитинец!
Стоял у крови ты тут трои сутки —
Постой у крови да ещё три часа,
Бери своё копьё да мурзамецкое
И бей копьём да о сыру землю,
Сам копьё да приговаривай:
«Расступись-ко, матушка — сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ко эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась тогда матушка — сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.
Тогда Добрыня во пору пошёл,
Во тыя в норы да во глубокий.
Там сидит сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,
А простой-то силы — той и сметы нет,
Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
— Вы идите нынь туда, откель принесены.
А ты, молода Забава дочь Потятична, —
Для тебя я эдак теперь странствовал —
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву,
А й ко ласковому князю ко Владимиру. —
И повёз молоду Забаву дочь Потятичну...

Садко

В славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.
Садка день не зовут на почестей пир,
Другой не зовут на почестей пир
И третий не зовут на почестей пир,
По том Садко соскучился:
Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился:
Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озеро вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир

И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился:
Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко повгородский!
Но знаю, чем будо тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложы свою буйну голову
И выражай с прочих купцов
Лавки товара красного
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь! —
Пошёл Садко от Ильмени от озера.
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садко на почестей пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастьывать:
— Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмеиь-озере! —
Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы — золоты перья.
— Ай же вы, купцы новгородские!
О чём же бьёте со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залатайте лавки товара красного. —
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шёлковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули Тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули Тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко всё по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звёзды — и в палатах звезды.
Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестей пир
Тьих мужиков новгородских
И тьих настоятелей новгородских
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иной хвастает бесчисленной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конём,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
— Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похваляется?
Что у нас Садко ничем не похваляется? —
Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платье не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бесчисленной золотой казной:
На свою бесчисленную золотую казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесчисленной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.
Вставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд.
Как повысить товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесчисленную золотую казну.
На другой день вставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым.

А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров привезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день вставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Втройне товаров привезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подспели товары московские
На тую на великую на славу новгородскую,
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Ещё повыкуплю товары московские,
Подспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский —
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.
На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых;
На те на корабли на черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломают кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрые:
— Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ах же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во синё море. —
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:

А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черленые,
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черленые,
А корабли все нейдут с места на синем море.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море. —
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красном на золоте,
Всяк своё имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаиный. —
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжаный.
Всяк своё имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою черницу вальжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый. —
Несли ему черницу вальжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именье отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жене,
Остатное именье дружине хороброй.
Говорил Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати,
Али взять мне гусли с собой во сине море? —
Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:

— Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Нетолько мне страшно принять смерть на синем море. —
Свалил дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как чёрные вороны.
Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
— Ай же ты, Садко-кунец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю ежживал,
Мне, царю, дани не плачивал.
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:
Поиграй же мне в гуселки яровчаты.
Как начал играть Садко в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие,
Да играл ещё Садко и третьии —
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со жёлтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именицев,
Стало много тонуть людей праведных.
Как стал народ молиться Миколу Можайскому.
Как тронуло Садка в плечо во правое:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть в гуселышки яровчаты! —
Обернулся, глядит Садко новгородский;
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты. —
Говорит старик таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть,
Приломалися гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:

«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идет девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Как ляжешь спать в перву ночь,
Не твори с женой блуда во синем море:
Останешься навеки во синем море;
А ежели не сотворишь блуда во синем море,
Ляжешь спать о девицу-красавицу,
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому.
Садко струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?
— У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенечков не пригодилось. —
Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко повогородский:
— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.
Вставал Садко поутру ранешенько,
Поглядит: идёт триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как прошёл у них столованье почестей пир.
Как ложится спать Садко во перву ночь,
Но творил с женой блуда во синем море.
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во синем мори:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море! —
А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина одивовалася:
— Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,

Встречает дружину со Волхова!
Встретил Садко дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарные.
Начал Садко выгружать со черленых со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленых кораблей,
Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.
Не стал больше ездить Садко на сине
Стал поживать Садко во Йове-граде.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**